

АРГУМЕНТАЦИЯ В ПРАВЕ И МОРАЛИ

Коллективная монография

Под редакцией Е.Н. Лисанюк



УДК 316.2
ББК 60.51
А 79

Рецензенты

Тимошина Елена Владимировна — доктор юридических наук, Санкт-Петербургский государственный университет.

Суровцев Валерий Александрович — доктор философских наук, Томский государственный университет.

Авторы

Антонов М.В. к.ю.н., Блохин П.Д. к.ю.н., Гайдамакин А.А. к.тех.н., Денисенко В.В. к.ю.н., Касаткин С.Н. к.ю.н., Кислов А.Г. к.филос.н., Лазаревич А.А. к.филос.н., Ларионов И.Ю. к.филос.н., Лисанюк Е.Н. д.филос.н., Микиртумов И.Б. д.филос.н., Невважай И.Д. д.филос.н., Перов В.Ю. к.филос.н., Полдников Д.Ю. д.ю.н., Самохина Е.Г. к.ю.н., Сатохина Н.И. к.ю.н., Соболева А.К. к.ю.н., Чуешов В.И. д.филос.н., Чуешов К.В., Шуман А.Н. к.филос.н.

А 79 Аргументация в праве и морали. Коллективная монография / Под ред. Е.Н. Лисанюк. — СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2018. — 521 с.

ISBN 978-5-905966-86-6

В книге представлены результаты новейших научных исследований отечественных и зарубежных авторов в области юридической и моральной аргументации как практической аргументации о действиях. Показано, каким образом участники судебных споров и нравственных дискуссий осуществляют аргументацию на практике, какие критерии оценки аргументации они используют, какую роль в практической аргументации играют социальный контекст, наука и искусственный интеллект; дан философско-методологический анализ ряда резонансных дел.

Результаты исследований найдут применение в ИТ-приложениях в сфере социальной практики и гуманитарного знания и внесут вклад в развитие гражданского общества и совершенствование нравственной культуры, включая технологии электронной демократии, электронного правосудия, а также в повышение доступности социальных услуг, в том числе юридических.

Монография адресована философам, правоведам, практикующим юристам, специалистам в области искусственного интеллекта, управления и менеджмента, педагогам, а также широкому кругу читателей, интересующихся «секретами» построения рассуждений и оценки аргументации в области права и морали, ее историей и современным состоянием.

ББК 60.51

ISBN 978-5-905966-86-6

© Коллектив авторов, 2018
© ИД «Алеф-Пресс» СПб., 2018

Введение

Исследование аргументации в праве и морали, которому посвящена эта книга, охватывает особенности ее порождения, строения, предъявления в диалоге и оценки ее эффективности. Моделирование моральной и юридической аргументации, критерии оценки аргументов, особенности предметного наполнения и лингво-речевого оформления процессов и процедур аргументирования, специфических для права и морали, — все эти аспекты изучения такой аргументации отражают современное состояние исследований в области анализа аргументации в целом, ее связи с рациональным поведением человека в обществе и социально-коммуникативными процессами в нем.

Аргументация в праве и морали обладает рядом особенностей, каждая из которых представляет собой отдельную научную проблему, актуальную для одной или нескольких наук, отражающих интересы междисциплинарного коллектива авторов этой книги. Первая ее особенность состоит в рациональном характере. Как и аргументация в других сферах знания и практики, юридическая и моральная аргументация исходит из разумной природы участников дискуссий и споров. В этом отношении аргументация в праве и морали мало чем отличается от аргументации о фактах, наиболее строгой разновидностью которой является формальное доказательство, распространенное в точных науках. Рациональный характер аргументации в праве и морали открывает перспективу применения формальных методов в ее моделировании, включая логический анализ, элементы искусственного интеллекта, цифровые технологии и использование больших данных (big data).

Вместе с тем, в праве и морали в аргументации гораздо чаще речь идет о действиях, ценностных ориентирах и решениях, которые принимают люди на основе рассуждений, чем об истинности или ложности их мнений о фактах и ситуациях. По этой причине содержательный и формальный анализ аргументации о действиях представляет собой особую область исследования аргументации, на которую невозможно механически перенести методологию фор-

мальных наук и IT-технологии. Здесь требуются специальные подходы и методы. Так, аргументацию о фактах и ситуациях, играющих весомую роль в обосновании поступков, удобно анализировать при помощи дедуктивных или индуктивных логических теорий, вероятностных методов и инженерии знаний, но они имеют существенные ограничения в том, что касается анализа аргументации о действиях, которая носит презумптивный и отменяемый характер.

Мы способны судить о связи цели поступка и средств ее достижения, мы можем оценивать прошлые и будущие поступки в терминах моральных устоев или норм права, мы умеем строить планы по продвижению определенных ценностей, взвешивая доводы за и против той или иной линии поведения и т.п. Вместе с тем, практические рассуждения и решения касательно действий и поступков, полученные с их помощью, являются правдоподобными и носят гипотетический характер, потому что знание о мотивах других людей, последствиях наших собственных действий, о ситуации, в которой принимались или принимаются решения, никогда не бывает исчерпывающим и не будет доступно нам во всей полноте. Это означает, что если с поступлением новой информации меняется наша оценка мотива, последствий или обстоятельств, в которых планируется действовать, то и избранная линия поведения может быть изменена вплоть до отказа от действия. И хотя уже совершенные поступки или озвученные оценки событий отменить нельзя, как это можно сделать, когда они еще только планируются, можно пересмотреть оценку событий и точку зрения на них.

Из этих двух особенностей, связи юридической и моральной аргументации с логикой и формальными моделями и необходимостью ее анализа в терминах, альтернативных формально-логическим, следует, что при неизменности первого полюса исследования недостатка в претендентах на роль альтернативы нет. Напротив, будут появляться все новые концепции, стремящиеся сыграть эту роль. В русле этой идеи мы ограничили обсуждение вопросов формального моделирования юридической и моральной аргументации таким образом, чтобы уступить место для содержательных концепций из области философии, риторики, истории и теории права, этики, неформальной аргументации и т.п.

Вторая особенность юридической и моральной аргументации заключается в оценке ее эффективности. Как оценить приемлемость и силу аргументов, когда во главу угла поставлена не истинность мнений о фактах, а нормы, ценности, практические

цели, предполагаемые последствия поступка, ради которых его убеждают совершить? Какие критерии способны однозначно отличить сильный аргумент от слабого, справедливое судебное решение от несправедливого, хороший нравственный аргумент от плохого? Оценка обоснованности и убедительности юридической и моральной аргументации связана с четырьмя ее аспектами. В юридической и моральной аргументации существуют особые традиции в том, что касается критериев приемлемости аргументов по содержанию, а также институциональных и социально-коммуникативных критериев. Например, в праве и морали, как, пожалуй, ни в одной другой сфере социальной жизни, важную роль играет статус, профессиональный или процессуальный, а также личный авторитет того, кто выдвигает тот или иной аргумент. Вместе с тем, подобные специальные критерии редко считаются достаточными для того, чтобы отклонить аргумент или, наоборот, признать его приемлемым. Помимо этого, оценка аргумента зависит от речевого и риторического предъявления аргументов, их структурно-функционального строения, а также от делиберативного контекста аргументации — моральной дилеммы, юридической коллизии или конфликта сторон, вызвавших необходимость рассуждений и аргументов для их разрешения. Оценивать обоснованность и убедительность юридической и моральной аргументации можно в каждом из этих четырех аспектов по отдельности.

Так, моральные доводы людей, пользующихся уважением в обществе, представляются аргументами большей силы по сравнению с доводами обычных не слишком известных людей. Вместе с тем они взаимозависимы в том, что касается их состоятельности как в процедурном смысле, так и содержательно, потому что силу одного аргумента возможно установить только в связи с другими аргументами, включая критические, и невозможно это сделать вне общественной дискуссии, состоящей из суждений разных людей. Если аргумент не нарушает логических правил и его речевое оформление согласуется с действующей языковой нормой, то такой аргумент следует признать корректным в структурно-функциональном и лингвистическом отношении, что служит необходимым условием его состоятельности, но не является достаточным условием для этого и не обеспечивает убедительность такого аргумента. Аргумент, основанный на действующей моральной или правовой норме, является более убедительным, чем аргумент, ссылающийся на спорные моральные ценности или правовые нормы, утратившие силу, раз-

ве что речь идет о каком-либо специальном случае. Проблема здесь заключается в том, что востребованность подобной «дискретной» оценки юридических и моральных аргументов в рамках отдельных наук ограниченная. На практике мы хотели бы оценивать аргументы комплексно, с учетом всех четырех аспектов, поэтому весьма актуальна задача создания интегративных моделей аргументации с комплексной оценкой аргументов, сохраняющей их предметную специфику. Ее решению посвящена эта книга.

Третья особенность юридической и моральной аргументации состоит в том, что она относится к сфере практической аргументации о действиях, что существенно не только, когда речь идет об оценке аргументов и формальных подходах к ее анализу, но также и в связи с ее содержательным характером, включая онтологические и эпистемические аспекты. Есть принципиальное различие между аргументацией о фактах и аргументацией о действиях. В аргументации о фактах обсуждается, истинно какое-либо мнение о факте или нет, такую аргументацию можно назвать теоретической. Практическая аргументация о действиях — это спор о том, как нужно поступать в той или иной ситуации, или почему необходимо поступать именно так, а не иначе, например, почему нужно выполнить данное действие или, напротив, воздержаться от этого.

Факты, ситуации и мнения о них мы оцениваем иначе, чем действия и поведение людей. Для того, чтобы по результатам дискуссии начать обоснованно считать какое-либо мнение о факте истинным, необходимо привести в поддержку этого состоятельные аргументы и отклонить противоположное мнение. Для обоснования истинности мнения о фактах достаточно, если аргументы в его поддержку будут более убедительными для участников дискуссии, нежели контраргументы. Приводя аргументы в споре о фактах, мы полагаемся на наше представление о рациональной природе человека, позволяющей надеяться, что истинность мнения о фактах и когерентность аргументов в его поддержку — это достаточное основание для того, чтобы другие участники дискуссии согласились с таким мнением.

Иначе обстоит дело с поступками и действиями людей. Здесь истинного мнения о ситуации, цели поступка, ценностях и нормах связанных с ним, вряд ли будет достаточно для того, чтобы убедить кого-либо придерживаться определенной линии поведения. В аргументации о действиях важно не только наличие аргументов — фактов, ценностей или норм в пользу определенной линии поведения. Эти доводы должны касаться преимущественно не истинности мнен-

ний о фактах, как в теоретической аргументации, но того, насколько ценности, нормы и принципы, выдвигаемые в пользу той или иной линии поведения, более убедительные, весомые или предпочтительные по сравнению с теми, что предложены в обоснование альтернативных линий поведения. Так, в юридической и моральной аргументации важную роль играет институциональный фактор — законодательный авторитет нормы, на которую ссылается судебное решение, или моральный авторитет человека, пользующего уважением, или, наоборот, зарекомендовавшего себя не лучшим образом. Юридическая и моральная аргументация принадлежат к сфере практической аргументации о действиях, потому что рассуждения в праве и морали в большей степени связаны с поведением и решениями людей, чем с достоверностью их знаний о фактах. Несмотря на это, юридическую и моральную аргументацию нельзя отождествить ни с принятием решений, ни с решением проблем именно по той причине, что это особое рассуждение деятельностного характера, сочетающее в себе неотъемлемые свойства мысли и действия одновременно. Действием практическую аргументацию можно считать тоже в весьма специфическом смысле — разве что ментальным действием наподобие счёта в уме или институциональным действием, когда речь идет о процессуальном поведении сторон судебного спора.

Причина такого промежуточного статуса практической аргументации состоит в следующем. С одной стороны, люди часто принимают решения без того, чтобы явным образом приводить доводы за или против. Отсутствие эксплицитных рассуждений о том, как следует поступать, вовсе не означает, что решение было принято под влиянием эмоций и без предварительного обдумывания. Даже утверждая, что решение было интуитивным, нельзя отрицать того, что это могла быть рациональная интуиция, профессиональный опыт и т.п., которые мы склонны скорее трактовать как своего рода рассудительность, нежели как ее отсутствие. С другой стороны, хотя в праве и в морали аргументация используется для обоснования обязательств поступать так, а не иначе, как это происходит в ситуации морального выбора или в судебных решениях, часто она необходима и по вопросам, не предполагающим решений относительно непосредственных действий. Таковы многие из решений Конституционного суда РФ, касающиеся толкования права. Они нацелены разрешить конфликт интерпретаций норм закона, но не подразумевают непосредственного исполнения, хотя и влияют на то, как судьи в дальнейшем будут принимать решения по конкретным делам. Не

предполагают решений о непосредственных действиях общественные дискуссии на нравственные темы, они могут проводиться в познавательных целях или ради достижения консенсуса. Наконец, практическую аргументацию, о которой мы говорим применительно к праву и морали, нужно отличать от решения проблем, будь то научные, политические или повседневные проблемы, потому что решение проблемы в большинстве случаев не сводится к рассуждениям или поиску наилучшего решения из доступных. Здесь помимо рассуждений и аргументации требуется и то, что Аристотель называл добродетелью рассудительности интеллектуальной души, необходимой для того, чтобы действовать сообразно тому, что было достигнуто в практическом рассуждении. Юридическая и моральная аргументация связана с действиями и поступками людей постольку, поскольку это рациональные поступки и действия, основанные в той или иной мере на рассуждениях, но к решению о реализации действий, служивших предметом аргументации, имеет опосредованное отношение. Так происходит не потому, что рассуждения в праве и морали или в какой-либо области знания и социальной практики принципиально различны, но потому что мы по-разному формулируем, предъявляем и расцениваем аргументы, когда речь идет о столь различных областях.

В книге обсуждаются логические основания, формальные модели, когнитивные механизмы, прагма-риторические аспекты, а также история становления практик аргументации в области права и морали, представлен анализ реальных дел, включая резонансные (дело Брейвика, дело Маркина). Члены международного коллектива авторов книги, представляющие разные научные школы и общества, давно и плодотворно сотрудничают как в рамках отдельных областей знаний — в правоведении, философии, логике, этике, истории, когнитивной науке и в программах искусственного интеллекта, так и на уровне исследовательских коллективов совместных проектов. Часть результатов исследований, нашедших отражение в книге, была получена при поддержке проектов РГНФ–БРФФИ № 15-23-01002 и РГНФ 12-03-00196.

*Лисанюк Елена Николаевна
доктор философских наук, доцент*

Глава I

Аргументация между рассуждением и действием

Лисанюк Е.Н.
Санкт-Петербург

Действие, норма и ценность в практической аргументации*

Аннотация. Аргументация в праве и морали часто, если не всегда, касается действий и поступков людей, когда рассуждение рационального агента направлено на обоснование линии поведения путем продвижения какой-либо ценности или взвешивания альтернативных способов достижения некоей цели. Такая аргументация называется практической, в отличие от теоретической аргументации, где предметом обоснования и убеждения выступает мнение о ситуации или положении дел. Практическая аргументация отвечает на вопросы, как нужно поступить в данной ситуации, какими ценностями и нормами следует руководствоваться и почему.

Практическая и теоретическая аргументация отличаются строением и способом оценки аргументов. В теоретической аргументации аргументы состоят из посылок, выражающих знания и мнения агентов, представленных при помощи описательных предложений о фактах и положениях дел, обсуждение мнений о которых и составляет теоретическую аргументацию. Такая аргументация может состоять из логически строгих, правдоподобных или вероятностных умозаключений. Практическая аргументация носит правдоподобный и презумптивный, или отменяемый характер, потому что в практическом рассуждении помимо посылок, выражающих знания и мнения агентов о ситуации, аргументы содержат также посылки, описывающие последствия вы-

* Исследование поддержано РФФИ, проект № 18-011-00895. В параграфе использованы результаты, ранее изложенные в [Лисанюк, 2015, 274–344].

полнения или невыполнения действия, а также цели, ценности, нормы и желания агентов, относительно которых можно располагать лишь предположительными сведениями. Заключение практического рассуждения может быть отменено, если этого потребуют изменения обстоятельств действия или оценки его последствий.

Юридическая и моральная аргументация представляют собой особые разновидности практической аргументации и имеют ряд существенных отличий между собой. Наиболее существенный из них — роль презумпций и идеалов в обосновании, важное значение имеет отличие в понимании агентного критерия, в юридической аргументации носящего преимущественно институциональный характер.

Ключевые слова: действие, аргументация, линия поведения, агент, нормы, ценности, схемы аргументации, деонтология, консеквенциализм, агентный подход.

1. Истина и обоснованность в практической аргументации

Однажды к Ходже Насреддину пришел знакомый с жалобой на общего соседа. По всему выходило, что правда на его стороне. Закончив свой рассказ, знакомый спросил Насреддина, каково его мнение.

— Думается мне, что ты прав, — сказал Насреддин.

На другой день пришел другой знакомый — тот, на кого жаловался первый, и, в свою очередь, пожаловался на первого жалобщика. Изложив дело по-своему, он спросил Насреддина, кто же прав.

— Думается мне, что ты прав, — сказал Насреддин.

Когда второй жалобщик ушел, жена Насреддина, подслушавшая обе беседы, спросила:

— Как же так? Ты и первому сказал, что он прав, и второму сказал, что он прав!

— Думается мне, что и ты права, жена, — сказал Насреддин.

Насреддин, несомненно, прав, принимая утверждение жены Ты и первому сказал, что он прав, и второму сказал, что он прав за истинное, ведь такое предложение верно описывает факт того, какие предложения произнес Насреддин в ответ каждому из посетителей. Права и жена Насреддина, полагающая, что нельзя достичь разрешения конфликта между соседями при помощи утверждения о том, что они оба правы. Несмотря на то, что такое предложение истинно в качестве описания имеющего место факта, и на то, что оно достоверно выражает мнение Насреддина, оно не годится в качестве ре-

шения спора, потому что содержит прагматическое противоречие, из-за чего сторонам спора невозможно выполнить того, что в нем говорится. Прагматическое противоречие заключается в том, что хотя предложение, его содержащее, истинно само по себе, его нельзя исполнить как решение, предполагающее руководство к действию для сторон конфликта по его преодолению. Если каждая из сторон конфликта станет действовать в соответствии с истинным предложением, говорящим, что каждый из спорщиков прав в своих требованиях, естественным образом подразумевая, что истинность предложения обосновывает их справедливость, то конфликт не только не будет разрешен, но, напротив, может продолжаться и рискует усилиться. Поэтому когда речь заходит о справедливом разрешении конфликта или о нравственной оценке поступков людей, затруднительно, если вообще возможно, найти единственно верный неопровержимый ответ наподобие того, как можно сделать с противоположными мнениями людей о фактах, когда для выяснения вопроса о том, какое мнение истинное, а какое — нет, дополнительно исследуют факты или полагаются на логически корректные умозаключения. Истинность утверждения о фактах и ситуациях, хотя и важна в практической аргументации, но не гарантирует правильного решения практических задач, к которым относятся судебные споры и нравственные оценки, поэтому на первый план выступает обоснованность решения: достаточно ли хорошо подкреплена аргументами данное решение, чтобы противостоять контрдоводам, свидетельствующим в пользу противоположного решения? Эту особенность практической жизни подметили еще древние мыслители, предложившие несколько подходов к тому, как следует поступать в подобных ситуациях.

С точки зрения Платона, необходимым условием хорошего решения являются рассудительность, обеспечивающая его правильность, и знание того, что есть благо, добро и справедливость, причем главенствующая роль принадлежит знанию, потому что недостаточно сознательно подходить к решению практических задач, требуется еще знать, к чему применить сознательный подход [Платон *Хармид*: 171e–174c]. Аристотель считал проблематичной платоновскую концепцию, идеализирующую роль знаний о благе, добре и справедливости, потому что центральным звеном практического рассуждения видел его деятельностный характер. Если для Платона существует благо и справедливость вообще, и вопрос справедливого решения и нравственного поступка сводится к знанию о том, что есть справедливое и нравственное, то для Аристотеля существуют справедливые и нрав-

ственные поступки, а не справедливость и нравственность вообще, однозначно позволяющие трактовать поступки как справедливые и нравственные [Гусейнов, 2009: 20]. По мнению Аристотеля, справедливое решение должно быть соразмерным относительно цели, ради которой оно принимается, и вещей и обстоятельств, которых оно касается, и соответствовать добродетельной природе людей, которых оно затрагивает. «Поступки называются нравственными и благоразумными, когда они таковы, что их мог бы совершить благоразумный человек, а правосуден и благоразумен не тот, кто просто совершает такие поступки, но кто совершает их так, как делают это люди правосудные и благоразумные» [Аристотель, *Никомахова этика*: 1105b, 6–8]. Как особую добродетель интеллектуальной души Аристотель трактовал рассудительность и видел в ней способность разумных людей не только строить обоснованное практическое рассуждение, но и действовать в соответствии с ним, что он выразил в понятии *phronesis* — правильного стремления, или деятельностного намерения, занимающего промежуточное положение между мыслью и действием. Аристотель был первым, кто провел границу между демонстративным, или теоретическим, рассуждением, наиболее известной разновидностью которого является простой категорический силлогизм, и рассуждением практическим, в котором воплощается добродетель рассудительности. Это разграничение отражает его идею о двух частях интеллектуальной души, умозрительной, ищущей необходимой истины, и практической, нацеленной на поиск правильного стремления. Таким образом, хорошее решение по содержанию и по обоснованности должно корениться в знании норм и ценностей, согласно Платону, а согласно Аристотелю, оно обеспечивается не только этими знаниями, но и способностью человека рассуждать и действовать в конкретной ситуации с учетом личного опыта и знаний. В противовес Платону, уподобляющему обоснованность решения истинному заключению, аристотелевское учение о практическом рассуждении настаивает на строгом и неустранимом водоразделе между ними, вытекающем из особенностей интеллектуальной души, обуславливающих эпистемический статус элементов таких рассуждений.

Иной подход к принятию практических решений в связи с их обоснованием и ролью истинного значения предложений, выражающих содержания решений, предложил Кант, согласно которому сам по себе никакой поступок и никакое решение не являются справедливыми и нравственными, но их можно считать таковыми лишь относительно всеобщего нравственного закона, носящего су-

губо формальный характер. По этой причине по своему содержанию справедливых и нравственных поступков не бывает, и утверждать, что решение судьи справедливое или что поступок политика аморальный, можно лишь постольку, поскольку решение или поступок обоснованы посредством этого закона и соответствуют ему формально. «На самом деле совершенно невозможно из опыта привести с полной достоверностью хотя бы один случай, где максима вообще-то сообразного с долгом поступка покоилась бы исключительно на моральных основаниях и на представлении о своем долге» [Кант, 1965: 243]. Соответствующие формулировки категорического императива Канта, указывающие на универсализацию по агентам, автономию агента, и связь поступка с конечной целью, характеризуют наиболее важные звенья практического рассуждения [Чалый, 2013: 34].

Эти три аспекта оценки обоснованности практического рассуждения — по агентам, по свободе воли или целеполагания и по устойчивости связи между постулируемыми в обосновании целью или ценностью и ожидаемыми последствиями поступка — играют ключевую роль в том, каким образом разумный человек строит подобные рассуждения, что нашло отражение в строении практических рассуждений. Они также представляют собой главные критерии оценки эффективности практической аргументации, содержащей практические рассуждения в качестве аргументов, и поэтому они выступают фундаментом для формулирования критических вопросов, служащих для оценки подобных аргументов. Сформулируем эти три аспекта обоснованности в виде вопросов, на которые должно отвечать практическое рассуждение:

- ✓ Агентный, или универсализация по агентам: может ли в силу своего обоснования поступок быть примером для всех?
- ✓ Деонтологический, или универсализация целеполагания, норм или ценностей: являются ли достойными цель, норма и ценность, к которым апеллирует обоснование этого поступка?
- ✓ Консеквенциалистский, или универсализация связи между постулируемыми в обосновании целью (ценностью) и ожидаемыми последствиями поступка: выступает ли действие, планируемое для достижения поставленной цели (продвижения заявленной ценности), необходимым или достаточным условием для наступления прогнозируемых последствий?

Агентный критерий находит отражение в высокой роли институционального фактора юридической и моральной аргументации, где важно не только содержание аргумента, но и его источник. Учитыв-

вать этот критерий — значит увязывать эффективность аргументации в морали и праве с определенными социальными институтами, и об этом пойдет речь ниже. Деонтологический критерий является одновременно теоретическим, т.к. связан со свободой воли или целеполагания, и практическим, потому что говорит о том, насколько рациональная воля агента, рассуждающего, а затем действующего в соответствии со своими рассуждениями, способна руководить его желаниями, как осознаваемыми, так и скрытыми для него самого. В отличие от свободы воли — необходимого и достаточного условия разумности, согласно И. Канту, свобода выбора есть причина поступков, цели которых многообразны и не всегда соответствуют тому, как следовало бы поступать, исходя из долга и разумности. «Разумное существо может с полным основанием сказать о каждом своем нарушающем закон поступке, что оно могло бы и не совершить его, хотя как явление этот поступок в проистекшем времени достаточно определен и постольку неминусом необходим» [Кант, 1965: 426–427]. Из этого следует, что опыт оценки обоснованности прежних поступков, своих и чужих, т.е. обобщение такого рода эмпирического знания, о котором говорит консеквенциалистский критерий, непосредственно указывает на роль знания в обосновании, включая знание различной степени достоверности.

Иерархия уровней знания от наименее достоверного мнения к вере, трактуемой широко, и как верование и как субъективная убежденность, и далее — к знанию происходит «посредством обновления величин вероятностей гипотез и достижения «объективной достаточности» — в дополнение к «субъективной достаточности» и, разумеется, при обдуманном овладении субъектом знанием об этом» [Караваяев, 2014: 13]. Обновление величин вероятностей связано с тем, каким образом агент логически выводит следствия из гипотез. В ракурсе практического рассуждения это означает, что чем больше следствий — последствий из своих деятельностных намерений — интенций действий рассуждающие агенты предусматривают, оценивают, готовы принять и, если требуется, реализовать, тем выше достоверность их практической аргументации, включая ее устойчивость к контраргументам — альтернативным линиям поведения. Эту идею часто называют опытом, в особенности, когда речь идет о судьях, политиках, врачах и других людях, чья профессиональная деятельность подразумевает публичное обоснование своих решений или публичную критику решений и оценку поступков других людей.

Таким образом, обоснование принятия хороших и правильных практических решений в области права и морали не может быть гарантировано истинностью предложений, выражающих их содержания. Помимо нее требуются знание норм и ценностей, на которых они должны основываться, рассудительность принимающего решения агента, способного здраво и независимо оценивать ситуацию, решение и его последствия, а также готовность агента, этого, другого или вообще всех, поступать в соответствии с принимаемыми решениями. Это критерии универсализации по агентам, если речь идет о любом агенте, или универсализации мотивации (решений), когда имеют в виду всеобщую обязательность нормы или ценности, или консеквенциалистской универсализацией в связи с относительной желательностью или нежелательностью последствий. Все эти аспекты рассуждений составляют необходимые условия обоснованности практических решений, которые если и не обеспечивают их неопровержимость, то делают их более устойчивыми к контраргументам, что помещает в сферу аргументации вопрос о том, почему одни решения хорошие и правильные, а другие не таковы. «Когда люди не соглашаются друг с другом в том, какое решение следует принять, это происходит не потому, что они сделали какую-то логическую ошибку или ошиблись в вычислениях. Они по существу обсуждают правило, которое нужно применить, основания, которые необходимо принять в расчет, значение, придаваемое ценностям, интерпретации и оценки фактов» [Perelman, 1980: 150].

2. Практическая аргументация и философия действия

О том, что строгой логики практического рассуждения построить нельзя, вслед за Аристотелем и Кантом говорили многие мыслители в XX в., когда вопросы, связанные с практической аргументацией о действиях, обсуждались в русле философии действия. С идеями практической аргументации тесно связаны две тенденции в философии действия XX в., детерминистическая и индетерминистическая, в которых по-разному трактуется роль взвешивания альтернатив в обосновании поступков [Мишура, 2015].

Детерминистическая тенденция склонна помещать целеполагание в корпус опричинивания поступка, наряду с каузальными факторами действия, поэтому в аспекте аргументации главной движущей силой

обоснования становится защита линии поведения от критики посредством доводов в пользу предпочитаемой линии поведения. Весомый вклад в развитие детерминистической тенденции внес Д. Давидсон. Он предложивший считать аристотелевское «правильное стремление», получаемое при помощи практического рассуждения, описанием отношения агента к действию, которое этот агент намеревается осуществить. Тем самым Давидсон попытался преодолеть жесткую аристотелевскую дилемму между мыслью о действии и самим поступком, сформулировав некое промежуточное понятие [Davidson, 1980: 6]. В развитие этой концепции М. Братман предложил трехкомпонентную BDI-модель (belief-desire-intention) деятельности рационального агента, которая на современном этапе является одной из наиболее влиятельных в мульти-агентных исследованиях. Он полагал, что намерение, или интенция — это особый вид действия, содержанием которого выступает определенная ситуация. Интенция имеет место, когда рассуждения о том, зачем нужно данное действие, какое желание и каким образом оно исполняется и т.п. окончены, и агент уже фактически приступил к его выполнению, связал самого себя мысленным обязательством поступать определенным образом, хотя физически, быть может, еще ничего и не сделал. Братман считал, что интенция — это действие, рождающееся из практического рассуждения, а «практическое рассуждение имеет дело с взвешиванием доводов за и против конкурирующих между собой возможностей, в котором соответствующие доводы основаны на том, чего желает, что ценит и о чем беспокоится агент, а также на том, во что агент верит» [Bratman, 1990: 17].

В отличие от детерминистической индетерминистической тенденция фокусируется на рассмотрении и изучении альтернатив, так что краеугольным камнем обоснования выступает отклонение несостоятельных альтернативных линий поведения, и главное место в аргументации занимает критика, в ходе которой могут быть отброшены несостоятельные альтернативы. Иными словами, в духе детерминистической тенденции практическая аргументация — это отбор наилучшей линии поведения посредством уточнения каузальных связей и обстоятельств планируемого поступка посредством поддерживающих доводов, а в духе индетерминистической тенденции этот отбор осуществляется через контраргументацию, атакующую слабые места линии поведения, причем не только в консеквенциалистской ее части, где речь идет о каузальных связях, но по всем фронтам, включая агентный и деонтологический аспекты. Индетерминистическая тенденция расши-

рила это поле критики посредством проведения новых разграничений за рамками моделирования каузальных зависимостей.

Если в философии действия поначалу казалось, что ключевые результаты будут достигнуты в русле детерминистической тенденции, когда дихотомию мысли и действия удастся примирить при помощи локализации мнений, желаний и намерений агентов в общем каузальном поле, то в аспекте практической аргументации такой подход даже теоретически не мог дать ответ на вопрос о строении и оценке аргументов ни в одном из трех ее аспектов, агентном, деонтологическом или консеквенциалистском, хотя и прикладывал усилия в последнем из них. Суть этой ситуации ёмко выразил Дж. Сёрль, указав на непригодность в практическом рассуждении классической модели рациональности, согласно которой тот, кто желает некоторой цели, желает также и средств ее достижения, из которых способен выбрать подходящее, и последствий ее достижения при помощи данных средств. «Человек, имеющий намерение, не должен намереваться достичь всех последствий своего намерения. Он имеет обязательство лишь относительно тех средств, которые необходимы для его целей» [Серль, 2004: 294]. Это в равной мере можно отнести и к нормативно-ценностным действиям: признание агентом нормы или ценности, ради которых он собирается действовать, не означает обязательства агента принять все вытекающие из этого нормы и ценности, для которых принятая им норма или ценность выступает необходимым условием, аналогично обязательству в отношении средств и последствий своих поступков, о которых говорит Серль. Если выбор средств достижения цели согласуется с классической моделью, и поэтому всякая цель, будучи достигнутой, подразумевает некоторые средства своего достижения, то принятие последствий ее достижения во всей их тотальности представляется крайне сомнительным. Следовательно, практическое рассуждение не может быть замкнуто не только на множество норм, ценностей или целей, выраженных в его посылаках, но и на их «подмножества», например, только на средства достижения цели, или только на ценности или нормы и т.п., полученные в его заключении, потому что из того, что норма выполнена или цель достигнута, не следует с необходимостью, что это было достигнуто именно этими средствами, о которых позаботился агент, и невозможно полностью исключить контингентные по отношению к линии поведения агента факторы.

Вклад индетерминистических концепций в становление концепций практической аргументации сводится к трем идеям, по-разному

связанным с задачами согласования агентного, деонтологического и консеквенциалистского критериев между собой. Первая идея состоит в разграничении разновидностей каузальной ответственности агента за последствия своих действий, что давно используется в праве, а в конце XX в. стало предметом изучения в логике и программах искусственного интеллекта [Лисанюк, 2014: 113–148]. Вторая идея проводит границу между ответственностью агентов за последствия своих поступков и их контролем за наступлением последствий при помощи оценки альтернативных линий поведения. Поскольку до конца не представляется возможным знать, какое из решений какие именно из последствий повлечет, постольку можно исключить решения, где эта связь наименее изучена, в силу чего контролировать наступление последствий сложнее, если это вообще возможно [Kane, 1996: 143]. Тем самым сфера контроля агента над последствиями своих действий расширяется не за счет экстенсивного охвата все большего объема каузальных связей, а за счет их изучения, т.е. посредством интенсификации интеллектуальных усилий самого агента по получению плюралистических сценариев своих поступков. Обе эти идеи вносят вклад в согласование деонтологического и консеквенциалистского критериев обоснования поступка. И, наконец, третья идея заключается в том, чтобы в обосновании линии поведения связать вычисляемые вероятности наступления определенных последствий действия с нормами, ценностями или целями, которые конкретный агент субъективно подразумевает, пусть и ошибочно, в качестве хороших мотивов для своего поступка [Драгалина-Черная, 2012]. Установление таких агент-ориентированных зависимостей позволяет уточнить объективистскую картину альтернатив относительно данного агента и согласовать консеквенциалистский и агентный критерии.

Стоит подчеркнуть и важный момент, в котором пути философии действия и практической аргументации о действиях расходятся. Для философии действия обоснование поступка, решение придерживаться той или иной линии поведения и его реализация агентом составляют единую цепь событий. В практической аргументации о действиях речь идет только о первом из них, причем не как о событии, но как о процессе и процедуре, и не идет об остальных двух, потому что в ракурсе аргументации обоснование, принятие решения и его осуществление — это разные вещи, хотя они часто бывают связаны между собой. Поступок относится к миру вещей и является действием, а не рассуждением, и после того как поступок совершен, изменить его нельзя, в отличие от рассуждения, которое может быть

пересмотрено. Принятие решения может быть обосновано при помощи практической аргументации, однако так бывает не всегда. Принять решение можно и без предварительного обдумывания и часто люди так и поступают, если дело касается рутинных действий, осуществляемых по привычке, а также когда они делают что-либо в порыве эмоций. Отличительная особенность практической аргументации состоит в том, что она является рассуждением, несмотря на то, что носит деятельностный характер из-за того, что ее предмет касается действий. В силу этого, практическая аргументация может фокусироваться как на поступках, устремленных в будущее, которые еще только планируются, так и на уже совершенных поступках, которые желают оценить или пересмотреть ранее данную им оценку. И в том и в другом случае речь пойдет об уточнении мотивов, необходимости условий и достаточности оснований, адекватности оценок последствий, релевантности норм и ценностей и т.п. В первом случае речь пойдет о рассмотрении альтернативных линиях поведения, а во втором — об оценке уже совершенных поступков. В отличие от этого, принятие решения всегда устремлено в будущее, потому что это действие, несмотря на то, что оно совершается в уме и обычно не сопровождается какой-либо характерной физической активностью. Таким образом, сближает поступок, принятие решения и практическую аргументацию тот факт, что они связаны с рассуждением и интеллектуальной деятельностью человека, а разделяет их то, что первое из них относится к физическому миру вещей, второе является действием в уме, а третье — мысль.

3. Особенности юридической и моральной аргументации

Аргументация — это интеллектуальная познавательная деятельность, осуществляемая ее участниками, когнитивными агентами, преимущественно на основе естественного языка в форме речевого коммуникативного взаимодействия (диалога) с целью проверки аргументативной состоятельности позиций сторон. Аргументация представляет собой совокупность мыслительных и речевых действий агента, включающая систему упорядоченных определенным образом утверждений, предназначенных для обоснования или опровержения какого-либо мнения, убеждения аудитории принять какое-либо мнение или действовать определенным образом. Пред-

мет анализа аргументации составляют четыре группы вопросов, тесно связанных между собой:

- 1) способы, формы и правила порождения и предъявления аргументов в споре;
- 2) способы, формы и правила защиты и критики в споре;
- 3) связь этих способов, форм и правил с намерениями агентов, адресатами аргументации (аудиторией), содержанием обсуждаемых вопросов и проблем;
- 4) особенности аргументации в разных областях знания и деятельности.

Существуют ли вообще такие разновидности аргументации как юридическая и моральная? Если да, то это две отдельные разновидности, или одна? Помимо очевидных различий по вопросу 4, утверждение о том, что существуют такие разновидности аргументации как юридическая и моральная, подразумевает определение их различий в свете вопросов 1–3.

На первый вопрос мы даем утвердительный ответ: да, существуют такие разновидности аргументации как моральная и юридическая, и они отличаются не только предметом и сферой применения, т.е. отличие моральной и юридической аргументации состоит не только в ответе на вопрос 4, но и охватывает ответы на вопросы 1–3.

В поддержку этого мы приводим два соображения. Первое соображение можно назвать онтологическим, или экзистенциальным, оно напрямую связано с тем, что юридическая и моральная аргументация — это преимущественно практическая аргументация о том, что делать и почему. Прежде всего, это касается особенностей строения юридической и моральной аргументации, из которых вытекают и особенности критики и защиты аргументов в ней. Поскольку в качестве элементов рассуждений юридическая и моральная аргументация подразумевает использование норм, ценностей и деятельностных намерений, которые выражены неописательными предложениями, постольку они выступают составными частями аргументов и позиций сторон в аргументативном споре по вопросам права и морали. Наличие таких составных элементов в рассуждениях требует специальных правил и особых тактик защиты и критики, отличных от тех, что применяются в теоретической аргументации, где аргументы и позиции сторон состоят из знаний и мнений, выраженных описательными предложениями.

«Практическое рассуждение — это вид на целе-ориентированного и основанного на знании рассуждения, которое направлено

на избрание благоразумной линии поведения для агента, осознающего имеющиеся в настоящем обстоятельства для своих действий. В практическом умозаключении вывод представляет собой императив, направляющий агента к некоторой благоразумной линии поведения. Посылки такого умозаключения описывают цели агента и его знания в данной ситуации, в особенности в том, что касается способов и средств. В отличие от этого, дискурсивное рассуждение имеет познавательную (cognitive) ориентацию, оно взвешивает основания за и против истинности или ложности некоторого предложения. В прошлом логика обычно имела дело с дискурсивным рассуждением, и рассматривала его в качестве единственного вида рассуждения, заслуживающего изучения. Она игнорировала практическое рассуждение. Однако когда мы обращаемся к изучению аргументации в каждодневных речевых взаимодействиях, оказывается, что практическое рассуждение является тем посредником (medium), при помощи которого задействуется множество широко используемых схем аргументации» [Walton, 1996: 11].

В теоретической аргументации проверка корректности умозаключений осуществляется при помощи выявления логической формы умозаключений и истинностных значений составляющих посылок и заключений. Из учебников традиционной логики известно, что логическая форма дедуктивно строгих умозаключений гарантирует сохранение логического значения «истинно» при переходе от посылок к заключению, а в нестрогих умозаключениях она позволяет определить вероятность его сохранения. В практической аргументации такая проверка недоступна по двум связанным между собой причинам. Первую причину составляет онтологическое соображение: неописательным высказываниям, выступающим в роли посылок и заключений, нельзя сопоставить логические значения «истинно» или «ложно» так же, как это делают с описательными предложениями. В силу этого в практическом рассуждении связь между посылками и заключением зиждется не на логической форме — необходимом отношении между логическими значениями посылок и заключения, а чаще всего на причинной связи, выражающей эмпирические представления рассуждающего и потому носящей правдоподобный характер. Поэтому практическое рассуждение — правдоподобное, если говорить о связи между посылками и заключением, презумптивное, когда речь идет о приемлемости содержания посылок, и относительное, т.к. всегда формулируется относительно избранной цели и ценности. Проверку корректности в практической аргументации осуществляют при помощи аналога логической

формы — презумптивных схем аргументации и критических вопросов к ним, позволяющих удостовериться в том, что послышки приемлемые и, взятые вместе, они дают правдоподобную линию поведения относительно поставленной цели или ценности, а связь между ними отражает устойчивые эмпирические отношения событий внешнего мира и их оценок рассуждающим.

Второе соображение связано с функциональной стороной юридической и моральной аргументации, оно характеризует процедурные особенности проведения споров в области морали и права, отличающие их от споров в других сферах социальной деятельности людей, и здесь имеется две ключевые особенности. Это более жесткая регламентация в распределении стандартных ролей в споре, нежели в теоретической аргументации или аргументации в других областях деятельности людей, и наличие специальных презумпций и запретов, нехарактерных для других разновидностей аргументации. Обсудим эти две особенности в связи с правилами аргументации.

Одним из наиболее известных социально-коммуникативных правил аргументации, регулирующих распределение ролей в споре, является правило бремени доказывания, известное из учебников по аргументации [Лисанюк, 2010: 621–623]. Оно гласит, что обязанность обосновывать точку зрения при помощи аргументов возлагается на проponenta (протагониста) точки зрения, т.е. на того, кто ее выдвинул в диалоге, и такая обязанность возникает, если в диалоге имеется другая сторона, независимо от того, прозвучала противоположная точка зрения со стороны оппонента или нет. Иными словами, для возникновения обязанности доказывать свою точку зрения достаточно, чтобы она была выдвинута и чтобы в диалоге был хотя бы еще один участник, не поддержавший ее, например, не имеющий своей позиции по обсуждаемому вопросу и готовый выслушать доводы в пользу выдвинутой точки зрения. Это правило трактует как недопустимую тактику «докажи, что это не так», оно не позволяет требовать, чтобы вместо обоснования своей точки зрения ее проponent призвал других участников опровергнуть противоположные ей мнения.

Подобное распределение ролей носит условный характер и может измениться по мере развертывания спора. Аудитория, поначалу нейтральная, может занять позицию оппонента и выступить с критикой заявленной точки зрения или выдвинуть собственную противоположную точку зрения и, сделавшись антагонистом, приступить к ее защите. Аргументацию в области права отличает намного более жесткая регламентация ролей участников спора — проponentов и

оппонентов выдвинутых точек зрения, что особенно явно в судебной аргументации, где это определено нормами законодательства и часто подкрепляется специальными презумпциями. В судебном споре нет никаких условных умолчаний в вопросе о том, кто, что и перед кем должен обосновывать (доказывать), т.е. кто будет проponentом, кто оппонентом, а кто — антагонистом, и что является предметом доказывания, потому что распределение обязанностей доказывания является частью системы правоприменения и вносит свой вклад в ее легитимность. Например, презумпция добросовестности в гражданском и налоговом праве говорит о том, что все граждане по умолчанию считаются добросовестными и это не нуждается в доказывании, а доказывать необходимо недобросовестность, поэтому проponentом будет сторона, выдвигающая такую точку зрения. Аналогичным образом обстоит дело с презумпцией невиновности в уголовном праве или презумпцией виновности в антикоррупционном законодательстве некоторых стран.

Презумпции иного характера, нежели в праве, выступают отличительной особенностью моральной аргументации. Назовем их идеалами моральной аргументации, чтобы избежать путаницы. Наиболее важными из них являются идеалы полноты и непротиворечивости системы нравственных долженствований или оценок, в соответствии с которым любое действие или поступок можно оценить в терминах морали как добрый, злой, поощряемый, запрещенный, порицаемый и т.п., как если бы не существовало ни пробелов, ни конфликтов моральных норм или моральных оценок. «В этических вопросах принято исходить из того, что всякое действие имеет какой-либо деонтический характер, и ни одно действие не может быть одновременно обязательно и запрещено» [Альчуррон, Бульгин, 2016: 148].

Другая особенность моральной аргументации заключается в субъективной всеобщности этих идеалов — любой вправе вынести моральное суждение о ситуации, поступке своем или других людей, и принять участие в публичной дискуссии на нравственные темы. Такая открытость моральной дискуссии зиждется на двух связанных между собой ключевых обстоятельствах, выражающих своего рода обязательства людей быть рациональными агентами моральной аргументации, как в отношении себя, так и в отношении других [Scanlon, 1998: 162]. Первое из них — это тот факт, что моральная аргументация есть практическая аргументация о том, как должно (было) поступать в ситуациях, в которых может оказаться всякий человек, и задача рационального агента заключается в том, чтобы

привести разумные основания, почему нужно (было) действовать так, а не иначе. Второе обстоятельство говорит о том, что в той мере, в какой каждый считает себя самого рациональным агентом, способным к практической аргументации и нравственной оценке, следует считать таковыми и других, которые в силу этого столь же вправе приводить нравственные аргументы за и против.

Последнее обстоятельство характерно для аргументации в целом постольку, поскольку необходимым условием ее возможности является взаимное признание ее участниками того, что каждый из них является рациональным агентом. «Аргументация есть всепроникающая черта человеческой жизни. Это не означает, что нет случаев, когда человек не поддается гипнозу, подсознательной стимуляции, наркотикам, «промыванию мозгов» и физической силе, и что нет случаев, в которых он может должным образом контролировать действия и взгляды своих собратьев — людей средствами иными, чем аргументация. Однако только тот человек, которого можно назвать бесчеловечным, будет получать удовольствие от воздействия на поведение других людей лишь неаргументационными средствами, и только идиот будет охотно подчиняться ему. Мы даже не властвуем над людьми, когда только манипулируем ими. Мы можем властвовать над людьми, только рассматривая их как людей» [Johnstone, 1963: 30–31].

Единственным весомым, хотя и небесспорным ограничением¹ для вынесения суждения в дискуссии по нравственным вопросам и для использования этических аргументов может быть личная моральная репутация. Например, могут быть отклонены нравственные оценки и основанные на них заключения, выдвинутые участниками дискуссии, моральная репутация которых была дискредитирована прежним по-

¹ «Аргумент к человеку» (*argumentum ad hominem*) или «аргумент к авторитету / к скромности» (*argumentum ad verecundiam*) — так называют отменяемые приемы аргументации, когда согласие или несогласие с мнением ставят в зависимость от оценки личности участника, высказавшего это мнение в споре. В «аргументе к человеку» речь идет о негативной оценке личности, на основе чего отклоняют его или ее мнение, например, «N. известен как лжец, поэтому не следует доверять его словам». В «аргументе к авторитету», наоборот, мнение призывают принять в силу особого доверия к автору, например, «Эту идею поддерживала лауреат Нобелевской премии M., поэтому лучше с ней согласиться». «Аргумент к человеку» и «аргумент к авторитету», как и многие другие апеллирующие ad-аргументы, могут быть ошибками аргументации — недопустимыми приемами, когда апелляция к личности, содержащаяся в них, нерелевантна теме спора, однако, если она релевантна и это признают другие участники спора, такие аргументы являются допустимыми и могут повысить эффективность аргументации. Отменяемый характер говорит о желательности проверки их релевантности относительно спора, где они были использованы, независимо от того, считают ли участники спора их по умолчанию допустимыми или, напротив, по умолчанию ошибочными [Лисанюк 2009].

ведением, или, наоборот, мнение того, кого считают моральным авторитетом, будет признано решающим. В этих аспектах — идеалах полноты, непротиворечивости и субъективной всеобщности нравственных суждений — моральная аргументация существенно отличается от аргументации в праве и от теоретической аргументации.

В аргументации в области права для разрешения споров, порожденных коллизией норм — аналогом их противоречия, пробелами в праве — аналогом неполноты системы норм, или столкновением нормативных авторитетов, в чью компетенцию входит создание, интерпретация или применение норм, применяются специальные процедуры, включая судебные, основанные на принципах права, правила приоритета и т.п., а в области морали такой регламентации нет. Другое отличие между аргументацией в праве и аргументацией в морали состоит в том, что судебное разрешение конфликта или принятие законодателем неоднозначного законопроекта, вызвавшего дискуссию в обществе, считается окончательным урегулированием спора в силу процедуры и компетенции тех, кто принимает это решение, по крайней мере, до тех пор, пока в установленном порядке дискуссия не будет снова открыта, например, посредством обжалования решения суда или начала нового обсуждения поправок в принятый закон, согласно законодательной процедуре. В нравственном конфликте нет подобных процедур. Поскольку усложнение социальной жизни не только не способствует снижению количества моральных конфликтов, но, наоборот, наблюдается их рост, постольку все более актуальным становится создание специальных этических кодексов, профессиональных и корпоративных, которые могли бы служить основой для таких процедур и в этической сфере [Перов, 2017]. Создание таких кодексов и их применение для разрешения нравственных конфликтов опирается на моральную аргументацию, выступающую важным функциональным и методологическим элементом подобных процедур.

И, наконец, еще одним отличием между юридической и моральной аргументацией является роль этих презумпций и идеалов в том, как оценивают ее эффективность. В разрешении конфликтов в сфере права юристы часто обращаются к моральным ценностям, в то время как для урегулирования морального конфликта нормы права и правила разрешения юридических споров редко, если вообще когда-либо, могут служить аргументами или ориентирами. В философии, этике и правоведении существуют разные взгляды на соотношение морали и права. Их спектр широк и простирается

от отрицания какой-либо связи между ними, как это делают юспозитивисты, например, Г. Кельзен, Г. Харт, или Л.Н. Толстой, в духе экзистенциализма признававший лишь нравственность достойной основой социального устройства, до ее постулирования в духе Б. Чичерина, Р. Дворкина, Дж. Финниса, включая и промежуточные позиции, например, В.С. Соловьева, Л. Петражицкого, Р. Алекси и Б. Мелкевика. В ракурсе обоснования отличительная особенность моральной аргументации коренится в тенденции к абсолютизации идеалов полноты, непротиворечивости и субъективной всеобщности, что сближает ее с теоретической аргументацией, где эти идеалы играют важную роль и порой ведут к ригоризму, часто свойственному и теоретической и моральной аргументации. Аргументации в праве, напротив, свойственна тенденция к тому, чтобы видеть в них не столько идеалы, сколько специальные конвенциональные презумпции локального характера, абсолютизации которых сторонники различных позиций в вопросе связи морали и права не допускают по разным причинам, например, причинам логического характера [Альчуррон, Булыгин, 2013: стр. 186–192], философско-правового [Антонов, 2015] или практического [Соболева, 2001].

Таким образом, аргументация в праве и морали обладает рядом особенностей не только предметного характера, вызванных ее содержанием, но связанных с ее строением, порождением и критериями эффективности. Эти особенности, онтологические и функциональные, существенно влияют на способы, формы и правила порождения и предъявления, защиты и критики аргументов и касаются связи этих способов, форм и правил с намерениями агентов, адресатами аргументации (аудиторией), предметным содержанием обсуждаемых вопросов. Все это позволяет говорить о юридической и моральной аргументации как об особых разновидностях аргументации.

Обсуждая вопрос об особенностях юридической и моральной аргументации, мы утвердительно ответили и на вопрос о том, являются ли моральная и юридическая аргументация двумя специальными разновидностями аргументации. Здесь наш основной довод сводился к процедурным особенностям, а также к роли презумпций и идеалов, различной в этих двух разновидностях практической аргументации о действиях. Эти отличия между юридической и моральной аргументацией можно искать не только в лингво-речевых аспектах [Оглезнев, Суворцев, 2016], но и в особенностях самих мыслительных процедур, например, в специальных схемах аргументации, в специфике строения и оценки аргументов.

4. Стрoение практического рассуждения

Аргумент — это одно или несколько умозаключений, каждое из них содержит посылки — доводы, и заключение, выводимое из них при помощи какого-либо правила. В логике различают стрoгие и нестрoгие умозаключения, в зависимости от правил и истинности посылок. Стрoгие умозаключения основаны на дедуктивных, или неотменяемых правилах вывода, включают только истинные посылки и позволяют выводить истинные заключения необходимым образом при помощи логических законов, воплощенных в логические формы правильных умозаключений, независимо от того, кто рассуждает. Неотменяемость стрoгого правила вывода означает, что его обоснованная критика равнозначна полному опровержению данного умозаключения посредством другого стрoгого умозаключения. В нестрoгих умозаключениях необходимо, чтобы посылки были правдоподобные, т.е. отсутствовали бы сведения о том, что они ложные, и достаточно, чтобы они были неложные. Правила вывода тоже могут быть нестрoгими, т.е. отменяемыми, и могут быть отклонены, если их применение в данном умозаключении подвергнуть обоснованной критике. В нестрoгих умозаключениях вывод носит отменяемый характер, а заключения являются правдоподобными, так что если в одном споре данное нестрoгое умозаключение в качестве аргумента оказалось приемлемым, это не гарантирует того, что в другом споре этот аргумент не будет отклонен как неприемлемый. В отличие от этого, стрoгое умозаключение, сконструированное из истинных посылок посредством неотменяемого правила, гарантирует собственную приемлемость в любом споре до тех пор, пока оно не опровергнуто другим подобным стрoгим умозаключением. В рассуждении, составленном из множества аргументов и нацеленном отстоять какую-либо точку зрения, аргументы служат для ее защиты или для критики других точек зрения. В практическом рассуждении большинство аргументов представляют собой нестрoгие умозаключения. Стрoгие умозаключения используются только в теоретической аргументации, а в практической — лишь отчасти при обсуждении знаний и мнений.

Рассуждение, или позицию агента спора, составляют аргументы-умозаключения, упорядоченные так, чтобы поддерживать и защищать какую-либо точку зрения или, напротив, критиковать и опровергать. Состоятельность рассуждения означает, что его аргументы способны защитить от критики точку зрения, отстаиваемую посредством этого рассуждения. Состоятельное рассуждение не содержит аргумен-

тов, атакующих друг друга, потому что даже в том случае, когда один и тот рассуждающий агент выдвигает критический аргумент в адрес собственной позиции, это делается для того, чтобы затем отвергнуть такую критику при помощи контраргументации. Аргументы, принадлежащие позициям других участников, между собой упорядочены отношениями атаки, выражающими критику. Аргумент, атакованный другим аргументом, отклонен и «выбывает» из дальнейшего обсуждения точек зрения, однако он может быть «реанимирован» и возвращен в спор в случае контратаки, т.е. атаки на атакующий аргумент.

В практических рассуждениях наиболее распространены схемы «от последствий» и «от ценностей». Суть этих схем состоит в конструировании рассуждения, заключение которого включает исковую цель или ценность в множество прогнозируемых последствий планируемого действия при помощи выявления устойчивой связи между элементами планируемой линии поведения. Обобщенная позитивная форма таких схем следующая:

1. Цель *Goal* / ценность *Value* желательна.
2. Цель *Goal* реальна / ценность *Value* заслуживает продвижения.
3. Чтобы достичь *Goal* / способствовать *Value*, необходимо / достаточно выполнить действие *C*.
4. Действие *C* выполнимо и не приносит вреда.
5. Значит, ради достижения *Goal* / продвижения *Value* я выполняю *C*.

Негативная форма такова:

1. Цель *Goal* / ценность *Value* желательна.
2. Цель *Goal* реальна / ценность *Value* заслуживает продвижения.
3. Чтобы достичь *Goal* / способствовать *Value*, необходимо / достаточно воздержаться от действия *C*.
4. Действие *C* выполнимо, но приносит вред.
5. Значит, ради достижения *Goal* / продвижения *Value* я воздержусь от *C*.

Вот примеры критических вопросов к ним:

- ✓ Почему *Goal* / *Value* желательны?
- ✓ Реально ли достичь *Goal*?
- ✓ Заслуживает ли *Value* того, чтобы действовать во имя нее?
- ✓ Действительно ли выполнение (воздержание от) *C* обеспечит / будет способствовать *Goal* / *Value*?

Критические вопросы позволяют проверить, принимаются ли посылки как достоверные или, наоборот, они вызывают критику и требуют дополнительного обоснования, что равнозначно построению ново-

го практического рассуждения. В этом проявляется его отменяемый характер. В специальных протоколах, используемых для моделирования поведения ИТ-агентов, используются версии критических вопросов, уточненные относительно консеквенциалистской («от последствий») схемы аргументации, например [Atkinson, Bench-Capon, 2007: 858]:

- ✓ Истинны ли утверждения о данной ситуации? о ситуации, наступающей в результате выполнения действия *C*?
- ✓ Если утверждения о начальной и результирующей ситуациях верны, влечет ли данное действие *C* именно эти последствия? реализует ли оно в действительности данную цель *Goal*?
- ✓ Имеются ли другие действия, отличные от *C*, реализующие *Goal*?

Практическое рассуждение может иметь разное количество посылок, числом не менее двух, в которых учитываются различные аспекты линии поведения. В силу большой вариативности практических рассуждений, их форма носит описательный характер и может быть указана лишь приблизительно.

Посылка (1) задает цель конструирования линии поведения или ценность, норму, относительно которой задумывается действие. Посылка (1) — это центральное звено практического рассуждения, к которому присоединяются посылки, выражающие интенцию (3), ценности или нормы, мнения или знания (2) и (4). Каждую из посылок можно развернуть в отдельный аргумент, например,

(2) чтобы достичь *Goal*, нужно выполнить действие *C*; а не *F*, потому что *C* быстрее и дешевле позволит осуществить *Goal*, чем *F*.

Равным образом, количество посылок нетрудно сократить, например, обойтись без посылки (2), выступающей дополнительным подкреплением для *Goal*.

Критика линии поведения ставит под сомнение все элементы линии поведения, кроме цели или ценности (нормы). Критика линии поведения может сопровождаться выдвижением альтернативных линий, преследующих ту же цель или настаивающих на действии на основании той же нормы, но иными путями. Таким образом, практическая аргументация — это защита и критика линии (линий) поведения, предназначенных для достижения какой-либо цели, неизменной на протяжении спора, относительно которой они выстраиваются в диалоге.

Схема аргументации выражает особенности строения рассуждений участников аргументативного диалога, и призвана показать, каким образом они могут, опираясь на ключевые аспекты рассматриваемого в аргументации вопроса, переходить в споре от одного его аспекта к другому. Схемы аргументации являются своеобразной

библиотекой способов коллективного рассуждения в диалоге, обобщающей в функциональном отношении идущую из античности идею топа при помощи критических вопросов. Д. Уолтон, предложивший концепцию схем аргументации и критических вопросов к ним, выделяет около 25 схем аргументации, не относящихся к логическим схемам аргументации, а именно, ни к дедуктивным ни к индуктивным. Критические вопросы играют роль специальных индикаторов по отношению к схеме аргументации, указывая на ее узловые аспекты, служащие возможными предметами критики и защиты. Тем самым критические вопросы служат для участников диалога своего рода эвристическими подсказками, помогающими им сформулировать тактические ходы защиты и критики.

Кроме специальных схем аргументации «от ценностей» и «от последствий», отражающих особенности деонтологического и конвенционалистского обоснования действия, можно сформулировать схемы аргументации применительно к необходимым и достаточным условиям НУ и ДУ:

НУ	1. <i>Goal</i> является целью для агента α	ДУ	1. <i>Goal</i> является целью для агента α
	2. Действие <i>S</i> необходимо агенту α для того, чтобы достичь <i>Goal</i>		2. Действия <i>S</i> достаточно агенту α для того, чтобы достичь <i>Goal</i>
	Следовательно, агент α должен выполнить <i>S</i>		Следовательно, агент α должен выполнить <i>S</i>

Первая посылка в обеих схемах констатирует избрание агентом α некоторой цели *Goal* своего поведения. Вторая посылка каждой схемы характеризует соответствующее знание или мнение агента α , отражающее то, каким образом он или она оценивает обстоятельства планируемого поступка. Заключение в этих схемах представляет собой императив, который рассуждающие в диалоге рассматривают как обязательное к реализации намерение, в этом состоит суть специальной акциональной презумпции для практического рассуждения. «Презумпция может получить подтверждение в ходе рассуждения в практическом смысле на основе того, что она способна обеспечить дальнейшее продолжение хода рассуждения, даже в отсутствие абсолютного знания о том, что произойдет в конкретной ситуации, относительно которой требуется принятие определенных обязательств действовать или воздержаться от действий. Касательно благоразумных линий по-

ведения рекомендации обычно настаивают на использовании презумпций, которые могут оказаться неверными, и на приблизительном выведении из них заключений посредством практических рассуждений, несмотря на то, что подобное рассуждение является разновидностью осторожной догадки» [Walton, 1996: 12].

Подобные презумпции являются своего рода гипотезами сторон спора относительно друг друга. В зависимости от того, идет речь о теоретической или о практической аргументации, они бывают двух типов: пропозициональные — об утверждениях и акциональные — о действиях, или, в терминах Уолтона, дискурсивные и недескриптивные, т.е. практические. Общим свойством пропозициональных и акциональных презумпций является та двоякая роль, эпистемическая и прагматическая, которую они играют в диалоге [Лисанюк, 2013]. Если в процессе диалога презумпция агента α о том, что агент β согласен с α в том, что имеет место p , находит свое подтверждение и диалог успешно продолжается, это означает, что она была верна, и тем самым выполнила свою эпистемическую функцию восполнения пробела в сведениях α относительно β , а также прагматическую — достижения согласия относительно того, может ли p быть принято в качестве довода. Эпистемическая функция презумпции роднит ее с пресуппозицией, потому что в этом смысле, если агент β согласился с заключением содержащего p в качестве одной из посылок рассуждения агента α , это означает, что и для α и для β данное заключение подразумевает p , а для этого необходимо, чтобы либо оба агента считали p истинным, либо оба считали его ложным. Для того, чтобы презумпция выполнила свою прагматическую функцию, не требуется достижения согласия агентов относительно p , достаточно того, что оба агента признают наличие опущенного утверждения касательно p в качестве посылки или довода. Пропозициональные и акциональные презумпции различаются и в смысле эпистемической функции, и в смысле прагматической.

Пропозициональные презумпции в дискурсивных рассуждениях — это предположения одной стороны о том, какие утверждения принимает, т.е. считает истинными, или отвергает, т.е. считает ложными, другая сторона в диалоге. Наличие таких презумпций характеризует рассуждение как диалектическое или риторические в эпистемическом смысле. Логически корректное умозаключение не содержит никаких других элементов, кроме истинных посылок и выводимого из них истинного заключения на основе корректной формы такого вывода, поэтому в логически корректном умозаключении, строго говоря, нет места презумпциям. Хорошо известной формой

рассуждения, включающей презумпции, является энтимема, в которой утверждения, составляющие опускаемую часть рассуждения, трактуются как разделяемые участниками диалога. «Мы можем использовать в качестве посылок суждения, просто истинные для слушателя, иногда опуская их; мы можем использовать в качестве посылок только необходимо истинные суждения, беря их из науки, и в разговоре с людьми сведущими опускать их как само собой разумеющиеся для слушателя; а можем, если ведем ответственный разговор, фиксировать все посылки, которые необходимы, которые мы берем из научного знания, т.е. строить научное доказательство. В последнем случае мы пользуемся научным силлогизмом, т.е. в качестве посылок используем научное знание и явно демонстрируем отношение выводимости. Здесь энтимема невозможна, поскольку отсутствует порождающий ее источник — речевое общение, диалогическая контекстуальность языка, которые превращают энтимему из логически ущербной формы рассуждения в существенную характеристику языка, выражающего его природу» [Мигунов, 2006: 164–165].

В эпистемическом ракурсе особенность акциональной презумпции заключается ровно в том же самом, в чем заключается особенность практической аргументации по отношению к теоретической — а именно, в том, что одна из них касается действий, другая — ситуаций. Поэтому главное различие пропозициональных и акциональных презумпций связано с когнитивными агентами рассуждения и лежит в области того, каким образом они оценивают то, как другой агент в споре мотивирует свои намерения действовать определенным образом при помощи своих знаний, мнений и ценностей. Направление исполнения акциональной презумпцией своей прагматической функции — способствовать продолжению спора и диалога — обратное, если сравнивать с тем, как это происходит с пропозициональной презумпцией. Если пропозициональная презумпция подтверждается, то диалог продолжается. Если практическая аргументация в диалоге продолжается, то акциональная презумпция получила свое подтверждение. Акциональная презумпция агента α относительно намерений агента β в споре подтверждается, если соответствующее, чаще имплицитное, утверждение агента α о связи между намерением β и уверенностью α в том, что данное намерение будет реализовано β , не было оспорено со стороны β . Иными словами, помимо того, что для акциональной презумпции свойственно обратное направление подтверждения в споре, она всегда опирается только на мнения агентов друг о друге, и никогда — на знания агентов.

Содержание второй посылки в схемах НУ и ДУ носит отменяемый и динамический характер, потому что если обстоятельства дела меняются или меняется мнение агента α о них, ее содержание тоже может измениться. Однако само ее наличие в схемах НУ и ДУ является необходимым, без этой посылки, равно как и без первой посылки, фиксирующей устойчивую цель *Goal* для данного действия агента α , построить практического рассуждения нельзя. Во всех случаях, когда агент принимает посылки в рассуждениях, сконструированных по схемам НУ и ДУ, он вынужден не только принять и заключение, но и выполнить содержащийся в нем императив. Приняв посылки и отклонив заключение, он рискует сделаться непоследовательным в своих рассуждениях, что, в свою очередь, вызывает сомнения в его рациональности. Выведя подобное заключение из данных посылок и не выполнив содержащийся в нем императив, агент впадает в так называемое прагматическое противоречие, когда заявленное им в диалоге мнение или оценка несовместимы с его действиями.

С каждой из двух схем связано 4 критических вопроса, схожие с критическими вопросами к схемам, рассмотренным выше:

- ✓ Существуют ли альтернативные пути достичь *Goal*?
- ✓ Выполнимо ли действие *C*?
- ✓ Имеются ли у агента α иные цели, отличные от *Goal*, которые должны быть учтены?
- ✓ Имеются ли иные последствия выполнения действия *C*, которые должны быть учтены?

Подведем итоги этого параграфа. Аргументация в праве и морали является практической, потому что касается действий людей и оценок ими событий, в отличие от теоретической аргументации о том, истинно какое-либо мнение о факте или нет. Практическая аргументация часто опирается на теоретическую в том, что касается мнений и знаний людей о фактах, но между этими двумя видами аргументации имеются существенные отличия в строении и оценке аргументов. Практическая аргументация носит правдоподобный и отменяемый характер. Проверить содержательную эффективность практического рассуждения можно при помощи специальных критериев обоснованности — агентного, деонтологического и консеквенциалистского, а в процедурном отношении — посредством специальных схем аргументации и критических вопросов к ним. Моральная и юридическая аргументация представляют собой специальные разновидности аргументации в функциональном и онтологическом смысле, и имеют ряд существенных отличий между собой.

Литература

1. Альчуррон К.Э., Макинсон Д. (2013) Нормативные системы (пер. М.В. Антонова, под ред. Е.Н. Лисанюк) // *«Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм* / Под ред. Е.Н. Лисанюк. Изд. дом СПбГУ. С. 44–210.
2. Альчуррон К.Э., Булыгин Е.В. (2016) Фон Вригт о деонтической логике и философии права (пер. Д. Тискина) // Булыгин Е.В. *Избранные работы по теории и философии права* / Пер. с англ., нем., исп. Под ред. М.В. Антонова, С.И. Максимова, Е.Н. Лисанюк. СПб.: Алеф-Пресс. С. 116–153.
3. Антонов М.В. (2015) К вопросу о «системном» характере права // *Сибирский юридический вестник*. № 3. С. 3–9.
4. Аפרсян Р.Г. (2000) Перфекционистский и дисциплинарный языки морали // *Оправдание морали: сб. ст. к 70-летию Ю.В. Согомонова*. М.–Тюмень. С. 38–53.
5. Аристотель (1983) Никомахова этика (пер. Н.В. Брагинской) // *Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4.* / Под ред. А.И. Доватура, Ф.Х. Кессиди. М.: «Мысль».
6. Гусейнов А.А. (2009) Цели и ценности: как возможен моральный поступок? // *Этическая мысль: современные исследования*. М.: Прогресс-Традиция. С. 19–56.
7. Драгалина-Черная Е.Г. (2012) Экзистенциальные конструкции первого лица: узус и рацио // *Эпистемология и философия науки*. Т. 33. № 3. С. 32–47.
8. Кант И. (1965) Основы метафизики нравственности // Кант И. *Соч.: в 6 т. Т. 4 (1)*. М.: Мысль.
9. Кант И. (1965) Критика практического разума // Кант И. *Соч.: в 6 т. Т. 4 (1)*. М.: Мысль.
10. Караваев Э.Ф. (2014) Вера и знание: наследие Канта в философии и логике сегодня // *Вестник СПбГУ*. Сер. 17. № 3. С. 5–15.
11. Лисанюк Е.Н. (2004) Аргументация в нормативных контекстах: подходы и проблемы // *Коммуникативные практики в образовании: сб. ст.* / Под ред. С.И. Дудника. СПб. С. 216–233.
12. Лисанюк Е.Н. Аргументация и убеждение. СПб., 2015.
13. Лисанюк Е.Н. (2013) Когнитивные характеристики агентов аргументации // *Вестник СПбГУ*. Сер. 6. Вып. 1. С. 13–21.
14. Лисанюк Е.Н. (2014) Логика ответственности // Е.Н. Лисанюк, В.Ю. Перов (ред.) *Философия ответственности*. СПб.: Наука. С. 100–149.
15. Лисанюк Е.Н. (2010) Правила и ошибки аргументации // *Логика: учебник* / Под ред. А.И. Мигунова, И.Б. Микиртумова, Б.И. Федорова. М.: Проспект. С. 588–658.

16. Лисанюк Е.Н. (2009) Формально-прагматическая процедура анализа апеллирующих аргументов // *Российский ежегодник теории права*. Вып. 1 / Под ред. А.В. Полякова. УИК «Юридическая книга». СПб. С. 498–509.
17. Мигунов А.И. (2006) Энтимема в аргументативном дискурсе // *Логико-философские штудии — 4*. Изд-во СПбГУ. С. 164–165.
18. Мишура А.С. (2015) Индетерминистические модели каузальности в либертарианских теориях свободы воли // *Эпистемология и философия науки*. 1. С. 215–231.
19. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. (2016) *Аналитическая философия, юридический язык и философия права*. Томск.
20. Перов В.Ю. (2017) Каким профессиям нужна профессиональная этика? // *Ведомости прикладной этики*. 50. С. 67–78.
21. Платон. (1990) Хармид (пер. С.Я. Шейнман-Топштейн) // *Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1* / Под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль.
22. Серль Дж. (2004) *Рациональность в действии* / Пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. М.
23. Чалый В.А. (2013) Интерпретация категорического императива Джоном Ролзом в «Теории справедливости» // *Кантовский сборник*. 2 (44). С. 33–38.
24. Atkinson, K., Bench-Capon, T. (2007) Practical reasoning as presumptive argumentation using action based alternating transition systems // *Artificial Intelligence* 171, p. 855–874.
25. Bratman, M.E. (1990) What is intention? // P.R. Cohen, J. Morgan, M.E. Pollack (ed.). *Intentions in communication*. MIT press. Cambridge MA, p. 15–31.
26. Davidson, D. (1980) *Actions, Reasons and Causes* // Davidson, D. *Essays on Actions and Events*, Oxford: Oxford University Press.
27. Johnstone, H.W. (1963) Some Reflections on Argumentation // *Logique Et Analyse* 6 (21):30, p. 30–39.
28. Kane, R. *The significance of free will*. New York: Oxford University Press, 1996.
29. Perelman, H. (1980) *Justice, Law and Argument*. D. Reidel Publishing Company, Dordrecht.
30. Scanlon, T.M. (1998). *What we owe to each other*. Cambridge, Massachusetts: Belknap Press of Harvard University Press.
31. Walton, D. (1996) *Argumentation Schemes for Presumptive reasoning*. Lawrence Erlbaum Associates, NY.

Justification in Law and Morals as Practical Argumentation Over Actions

Abstract. *Argumentation in law and morals often, if not always, concerns human actions and conduct, for which rational agents' reasoning aim to justify a line of behavior by promoting some value, observing relevant norms or weighing alternative ways of how to achieve a certain goal. Such argumentation is called practical and it contrasts theoretical argumentation, over agents' opinions about situations or states of affairs. The practical argumentation provides replies on how to behave and what to do in certain circumstances, which values or norms should be taken into account and why.*

Practical and theoretical argumentation differ in their structure and in their arguments' evaluation. In theoretical argumentation, the arguments consist of descriptive premises expressing agents' knowledge and beliefs about the facts and situations, the discussion over which constitutes the theoretical argumentative disputes. In the theoretical argumentation, arguments employ logically rigorous, plausible or probabilistic inferences. The practical argumentation is plausible and presumptive, or defeasible, for along with its premises expressing agents' knowledge and beliefs over situations, the arguments also contain premises that describe the consequences of the actions' performance or non-performance, as well as the goals, values, norms and desires of agents, regarding which only presumptive information is available. Conclusions of practical arguments can be revised whenever the information over the circumstances of the planned action or the earlier assessments of its consequences are updated.

Legal and moral argumentation are separate species of the practical argumentation and there is a number of significant differences between them. The most significant of them is the role of practical presumptions and reasoning ideals used in the argumentation; the difference in the understanding of the agentive criterion, predominantly institutional in the legal argumentation, is of great importance.

Key words: *action, argumentation, line of behavior, agent, norms, values, argumentation schemes, deontology, consequentialism, agent-friendly approach.*

Сведения об авторах

Антонов Михаил Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики.

Блохин Павел Дмитриевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, помощник судьи Конституционного Суда РФ.

Гайдамакин Андрей Андреевич — кандидат технических наук, доцент, Омская академия МВД РФ.

Денисенко Владислав Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет.

Касаткин Сергей Николаевич — кандидат юридических наук, профессор, Самарский юридический институт ФСИН РФ.

Кислов Алексей Геннадьевич — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой онтологии и теории познания, Уральский Федеральный государственный Университет им. Первого Президента РФ Б.Н. Ельцина.

Лазаревич Анатолий Аркадьевич — кандидат философских наук, директор Института философии Национальной Академии наук Республики Беларусь.

Ларионов Игорь Юрьевич — кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный Университет.

Лисанюк Елена Николаевна — доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный Университет.

Микиртумов Иван Борисович — доктор философских наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой логики, Санкт-Петербургский государственный Университет.

Невважай Игорь Дмитриевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Саратовская государственная юридическая академия.

Перов Вадим Юрьевич — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой этики, Санкт-Петербургский государственный Университет.

Полдников Дмитрий Юрьевич — доктор юридических наук, доцент, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Самохина Екатерина Геннадьевна — кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Сатохина Наталья Ивановна — кандидат юридических наук, асс. Национальный Университет Юридическая Академия им. Ярослава Мудрого (Харьков, Украина).

Соболева Анита Карловна — кандидат юридических наук, доцент, доцент, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики.

Чушов Виктор Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философских наук и идеологической работы, Академия управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Беларусь).

Чушов Кирилл Викторович — научный сотрудник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь (Минск, Беларусь).

Шуман Андрей Николаевич — кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии и когнитивистики, Университет информатики и управления (Жешув, Польша).

Оглавление

Введение (Е.Н. Лисанюк)	3
-------------------------------	---

Глава I АРГУМЕНТАЦИЯ МЕЖДУ РАССУЖДЕНИЕМ И ДЕЙСТВИЕМ

Действие, норма и ценность в практической аргументации (Е.Н. Лисанюк, Санкт-Петербург)	9
Обоснование прав человека (С.И. Максимов, Н.И. Сатохина, Украина)	37
Аргументология в морали и праве (В.И. Чуешов, К.В. Чуешов, Беларусь)	47
Аргументация и нравственный конфликт (В.Ю. Перов, И.Ю. Ларионов, Санкт-Петербург)	59
Норма, коммуникация, творчество (И.Д. Невважай, Саратов)	89
Феномен аргументации в современном обществе (А.А. Лазаревич, Беларусь)	118

Глава II АРГУМЕНТАЦИЯ В ПРАВЕ

Формализм и аргументация в российской судебной практике (М.В. Антонов, Санкт-Петербург)	138
Юридическая аргументация (А.К. Соболева, Москва)	159
Легитимность и юридическая аргументация (В.В. Денисенко, Воронеж)	183
Коллизии в праве и их разрешение (В.В. Денисенко, Воронеж)	198
Обоснование по аналогии в конституционно-правовых спорах (П.Д. Блохин, Санкт-Петербург)	212

Глава III

ЛОГИКА НОРМ В АРГУМЕНТАЦИИ

Логическая теория норм (Е.Н. Лисанюк, Санкт-Петербург)	225
Семантика норм (А.Г. Кислов, Екатеринбург)	255
Логические аспекты обоснования в праве (Е.Н. Лисанюк, С-Петербург)	283
Рефлексивные игры в правовой аргументации (А. Шуман, Польша)	302

Глава IV

СТАНОВЛЕНИЕ АРГУМЕНТАЦИИ В ПРАВЕ

Аргументация в «праве ученых» стран Западной Европы Средневековья и раннего Нового времени (Д.Ю. Полдников, Москва)	321
У. Хофельд и юридическая аргументация (А.А. Гайдамакин, Омск)	343
Язык, логика и аргументация в аналитической философии права (Г.Л.А. Харт) (С.Н. Касаткин, Самара)	373
Идея риторического знания в герменевтической философии права (Н.И. Сатохина, Украина)	396
Неориторика и аргументативная теория права (Е.Г. Самохина, Санкт-Петербург)	412

Глава V

СИТУАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ АРГУМЕНТАЦИИ В МОРАЛИ И ПРАВЕ

Дело Маркина: легитимация правового института и аргументация его решений (И.Б. Микиртумов)	431
Моральная ответственность и нормативность: «казус Брейвика» (В.Ю. Перов)	459
Формализация споров о законодательных инициативах в виде практической аргументации (Г. Праккен, Нидерланды; Перевод Т.А. Крюковой, Е.Н. Лисанюк, К.Г. Фролова)	468
Протагор и Еватл? (Е.Н. Лисанюк)	491
Сведения об авторах	515

Аргументация в праве и морали

Коллективная монография

Под редакцией Е.Н. Лисанюк

Генеральный директор Н.А. Исаев

Подписано в печать с готового оригинал-макета 24.10.2018 г.
Формат 60х90 1/16, печать офсетная.
Усл. печ. л. 32,43. Тираж 1000 экз. Заказ № 269.

ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс».
199155, г. Санкт-Петербург, проспект КИМа, д. 11, к. 44.
www.alef-press.org
тел.: +7(919)200–20–20
E-mail: nikolajisaev@yandex.ru